Янка

Автор:
Тамара Михеева

Янка

Тамара Витальевна Михеева

Янка – девушка с «поперечным» именем. От Я до А! И жизнь у нее такая же «поперечная» – не как у всех, не как была всего пару месяцев назад. Конец лета все перевернул с ног на голову: нет бы, как обычно, возвращаться из приморского Поселка в родной город – вместо этого Янка с мамой и братом привыкают жить тут постоянно.

Где-то далеко остались и школьные друзья, и лучшая подруга Майка, и Рябинин, с которым 15-летняя героиня встречалась больше года. Еще там остались бабушка и папа. Бабушка регулярно пишет письма и говорит, будто отец скучает. Но разве это может быть правдой? Вот Янка – она-то на самом деле скучает: вечно ловит себя на желании отцу позвонить и о чем-то спросить, рассказать. Например, о Глебе: тот в первую же встречу сфотографировал Янку так, как не удавалось никому прежде!

Повесть «Янка» – это история подростка, столкнувшегося с трудностями, каких прежде он не ожидал: развод родителей, переезд, поиск новых друзей. Заглавной героине приходится отстраивать жизнь с нуля, но, как бы тяжело это ни было, именно в таком «отстраивании» она и находит новые ресурсы. Не говоря уже о том, сколько она узнает о себе и окружающих!

За какую бы тему ни взялась Тамара Михеева, неизменным остается ее глубокое понимание психологии. Маленькая девочка («Легкие горы», «Асино лето»), бунтующий подросток («Янка») – и эти главные герои, и многочисленные второстепенные получаются у писательницы живыми и интересными. Лауреат множества премий по детской литературе (среди них – конкурс им. С. Михалкова и Национальная премия «Заветная мечта»), Тамара Михеева пишет легко и увлекательно, ненавязчиво подсказывая читателю, как справиться с переменами, из которых состоит наша жизнь – каждый день новая.

Тамара Михеева

Янка

Часть первая

Глава 1. Грустные песни

Янка пела. Раньше она всегда пела, когда ей было весело и хорошо. Поэтому сейчас ей тоже надо петь. Чтобы стало хоть немного легче. Хоть чуточку хорошо, хоть капельку весело. Ведь понятно же, что в этом мире ничего хорошего больше не будет – никогда. Но надо как-то… ну, притвориться, сделать вид, что все более или менее, что не так уж все это и страшно, что ей весело и хорошо, хорошо и весело, она поет, поет и поет. Янкина песня захлебнулась и перешла в плач.

Это жестоко, жестоко, жестоко! Нельзя с ней так поступать, ведь она живая, она чувствует, дышит, а они? Что они с ней сделали? Если бы они любили ее – хоть чуть-чуть!!! – они бы не развелись, жили бы вместе, сколько людей живет вместе, чтобы детей не травмировать, и ничего!

«Я считаю это нечестным. Разве ты, Яна, будешь счастлива, зная, что мы с папой живем друг с другом только из чувства долга?» Да! Она, Янка, будет счастлива! Ей вообще все равно, почему они вместе, по какой такой причине, главное, что они вместе, все вместе – вчетвером!

– Зато мы поедем на море… – решительно говорила тогда мама, – представляете, будем жить на море, все люди туда отдыхать приезжают, а мы будем жить круглый год…

– Я не хочу! – закричали хором Янка и Ростик.

Но кто их будет слушать? Конечно, мама разговаривала с ними, объясняла: «Мне вас двоих не потянуть, я же не работала здесь никогда… а там бабушка с дедушкой, что вы… ну, Яна, ну, Ростик, вы так любите туда ездить… Я не могу оставаться в этом городе, ну поймите же и вы меня!»

«Поймите!» А их кто поймет? Одно дело – ездить в гости на лето, жариться на пляже, купаться и вернуться к сентябрю домой шоколадной, просоленной морем, прогретой солнцем так, что кажется, будто стоять рядом с ней – жарко. Показывать фотографии, взахлеб рассказывать о бесстрашном Тале, который прыгает с огромного обрыва в море и дарит ей ракушки…

Другое дело – уехать навсегда. От родных, от друзей, от школы, от папы, в конце концов! Да, он вечно занят, всегда на работе, ему и раньше до них дела особого не было, а теперь и подавно, да, он предал, бросил их, ну и что! Все равно, он же папа! Даже восьмилетний Ростик это понимает. И ревет целыми днями.

Янка реветь не может. Янка гордая. Поэтому – поет. Придет на берег, сядет на свой любимый камень-валун и поет, глядя на горизонт. Разные песни.

Один раз ее увидел Таль, старый друг и новый одноклассник.

– Привет! Чего это ты?

– Пою, – улыбнулась Янка.

– Тренируешься, что ли?

– Ага.

Таль забрался на камень, закричал:

– Э-э-э-э-эй!

Был сильный ветер, и кричать было здорово. Они посидели еще немного, покричали и разошлись по домам.

Янку в Поселке все знали, они каждый год на лето сюда приезжали к бабушке с дедушкой. Вот шуму было первого сентября, когда она в класс вошла и объявила:

– Наше вам здрасте! Я теперь у вас жить буду.

И упала рядом с Дашей Аверко:

– С тобой сяду, ладно?

– Ой, Яночка, конечно… а чего вы? Переехали?

– Да, предки развелись, мы переехали к бабушке с дедом. Здесь же красота, море, фрукты…

Только Таль и заметил тогда, что Янка притворяется, не своим голосом даже говорит. И все понял. Но, конечно, промолчал.

Мама устроилась на работу в Феодосию, ездила туда каждый день, возвращалась поздно, а в конце сентября завела с Янкой серьезный разговор.

– Денег ни на что не хватает, Ростику ботинки нужны, так быстро растет…

– Мам, у меня деньги на мобильном кончились.

– Яна! Ты хоть слышишь, что я тебе говорю?

– Слышу, слышу, ну ведь правда кончились!

– Опять с Майкой переписывалась, вот и кончились, сколько раз тебе говорить: нет у нас теперь денег, не-ту! Привыкли… отвыкайте теперь!

Янка закрыла ладонями уши, уставилась в одну точку, монотонно затянула:

– М-м-м-м-м-м-м-м-м…

Раньше карманные деньги ей всегда папа давал. На телефон, на проезд, на обед в школе. Раз в месяц после зарплаты. Никогда не пропускал. Без карманных денег в пятнадцать лет тяжело.

– Яна, прекрати! Я с тобой разговариваю! – вспылила мама, но тут же взяла себя в руки, подошла к Янке, обхватила ее голову своими ладонями, вискам стало жарко. Сидеть так было не очень удобно, но Янка терпела. – Я понимаю: трудно. Но и ты меня пойми: не могла я там оставаться. Хожу по улицам и боюсь: а вдруг его встречу? Или ее. Или вместе их. Город-то не очень большой.

– Ты его еще любишь?

– Не знаю, – вздохнула мама. – Да и что теперь об этом говорить?

– Мне важно.

– Люблю, не люблю… Нет, наверное, не люблю. Привычка осталась, все-таки шестнадцать лет вместе прожили. Яна, я поговорить с тобой хотела… Тебе нужны карманные деньги? Бабушка тебе работу нашла. Пойдем на кухню, она расскажет.

Работа оказалась… как бы так сказать, чтобы не выругаться? Янкина бабушка работала бухгалтером в поселковом клубе, она и устроила Янку там полы мыть. В актовом зале на пятьсот мест плюс сцена и примыкающий к залу танцкласс. Янка сначала хотела заорать на них всех, но заметила, что все они (и бабушка, и мама, и дед) ждут, что она скажет, как-то одинаково ждут, будто усмехаются: что, мол, слабо? Позорным покажется? Техничкой? Янка улыбнулась маме самой отрепетированной своей улыбкой и согласилась.

Теперь она шла в клуб сразу после школы, открывала маленькую каморку рядом со сценой, хватала ведро, тряпку, швабру и спускалась в подвал, в бойлерную. В клубе в это время никого, кроме вахтера, не было, все на обед расходились. Одна Янка во всем клубе! В огромном дворце в два этажа! С колоннами и лепниной на потолке, с зеркалами в фойе и пальмами в кадушках. Пока вода

набиралась в ведро, Янка рассматривала себя в осколок мутного зеркала, что висел над батареей. В этом зеркале Янка себе больше всего нравилась. А что? Она правда красивая. Лоб высокий, нос тонкий и ямочки на щеках! И волосы очень светлые, гладкие, она собирает их в высокий хвост, открывая шею. Сашка говорил: лебединая. Сашка, Сашка… Янка резко крутанула кран с горячей водой.

«Люблю, не люблю… Привычка осталась…»

Вообще-то Янке нравилось работать. Долго, конечно. Пока протрешь все сиденья одной тряпкой, пока все ряды промоешь другой… Иногда через три ряда приходилось воду менять, таскать ведро по лестнице и еще вымести семечки, окурки, фантики, а иногда и чего похуже. Зато было время о многом подумать. Янка представляла, как она вырастет и станет знаменитой киноактрисой, ей будут вручать «Оскар», и отец позвонит, будет поздравлять, а она ему скажет:

– Теперь ты гордишься, что я твоя дочь?

А потом спросит:

– Ну, как там Варя?

Варя! Янка закрутила тряпку покрепче на швабре, сама не замечая, что темные брови ее сошлись в одну черту. Варя! Очень надо думать про нее! Но думалось. Янка водила тряпкой по полу и вспоминала Варю.

Варя рассказывала про свои частые ссоры с мамой и все время говорила:

– Хоть бы она мужика себе нашла, может, поспокойнее стала бы…

Отца Варя не помнила, он их бросил еще до ее рождения. Варина мама его ненавидела и никогда про него ничего хорошего не говорила. Варя с ним общаться не хотела, радовалась, что похожа на маму, что от отца в ней нет ни одной черточки. А мама у Вари красивая, тут не поспоришь. Молодая, высокая, яркая: волосы черные, глаза синие. С Варей Янка вместе училась и в обычной школе, и в школе олимпийского резерва по легкой атлетике. Варя была настоящая спортсменка, работала на результат, а Янка – так, через пень-колоду. Тренеры на нее злились, Варя не понимала, но они все равно дружили, вместе

ехали домой после тренировок. Хорошая была Варька. Пусть не самая близкая подруга, но настоящая, которой всегда можно позвонить, попросить помочь или поделиться с ней чем-нибудь, даже пожаловаться на Майку, если вдруг поссорились.

А потом мама с папой разошлись. Потому что папа нашел себе другую женщину. Варину маму. Наверное, теперь Варя счастлива. И Янкин отец дает ей карманные деньги, водит в кино по субботам, а по воскресеньям – на каток. Янка швырнула швабру и заорала на весь зал:

– Чтоб ты сдох!

Она сама испугалась этой мысли, но тут же повторила с каким-то злым наслаждением еще и еще:

– Чтоб ты сдох, чтоб ты сдох, чтоб ты сдох!

– Ну, что ты грохаешь, что ты грохаешь, едрена масла!

– Папа!

– Не «папкай»! Что за дети пошли, трудно дверь придержать?

– Ничего с твоей дверью не станет!

– Татьяна! Ты поговори у меня, поговори! Она эту дверь делала? Что за манера – дверьми хлопать? Ты совсем их там не воспитывала?

Янке хотелось разбить эту чертову дверь о дедову голову. Подумаешь, дверью хлопнула! Может, у Янки темперамент такой? А он сразу всех собак на маму спустил! Пользуется, что она ничего ему ответить не может…

А почему не может? Янка помнила, что раньше, когда они приезжали сюда только на лето, мама легко вступала в перепалки с дедом и бабушкой, которая тоже ворчала на Янку с Ростиком и все время воспитывала: сядь нормально, убери локти со стола, не ковыряй в носу, как ты разговариваешь со старшими, не

перебивай, не шаркай, не бери без спросу… И так без конца. Мама часто за них вступалась, говорила, что они всего лишь дети, и что воспитание не сводится к нотациям, и что-то еще в таком духе. По поводу воспитания моментально вспыхивали споры и ссоры. Но теперь мама всегда молчала. Вмешивалась, только если дед с бабушкой совсем уж перегибали палку. И сама все время напоминала детям, как надо себя вести: не перечить, не лезть куда не следует, спрашивать разрешения о каждой мелочи, о которой раньше Янка и не подумала бы спрашивать. Это же и их дом тоже! Их летний дом, они каждый год тут! С самого рождения! Но теперь Янка все время, все время чувствовала себя в гостях. Они просто в гостях. Они в гостях навсегда.

В конце сентября от второй бабушки, бабушки Лены, пришло письмо. Длинное, на трех страницах. Адресовано оно было всем сразу: Янке, Ростику, маме, бабушке с дедушкой. Бабушка Лена писала маме, чтобы она простила Андрея, не держала зла, раз так вышло, но ведь есть общие дети, и он по ним скучает… Бабушке и дедушке кланялась и тоже просила прощения за сына. Ростику писала, как они с дедушкой по нему соскучились и ждут в гости на Новый год и каникулы, и дедушка купил ему две новых настольных игры, ждет не дождется, когда можно будет в них с Ростиком сыграть. Для Янки был отдельный листок. И, взяв его, она ушла на крыльцо.

«Яночка, солнышко мое, – писала бабушка Лена, – если бы ты знала, как я по вам всем скучаю, все вспоминаю, какая ты была маленькая и как росла потом, как на 1 сентября мы тебя в школу провожали, а ты не хотела, чтобы тебе бантики завязывали. Яночка, ты прости его, хотя я сама его простить не могу, но ты дочка, ты должна простить. Сердцу ведь не прикажешь, с места не сдвинешь. Дорогая моя внученька! Приезжайте к нам хоть в гости, ты же знаешь, как мы с дедом вас любим. Все мое сердце по вам истосковалось, раньше ведь ты каждый день ко мне забегала. Мама, наверное, не захочет вас с Ростиком отпустить, но ты ей скажи, что мы дорогу вам оплатим, встретим, а если она забоится, то я и приехать за вами могу. Мы-то ведь не виноваты, что так у них получилось. Да и никто не виноват. Я тут ребят твоих часто встречаю, они все спрашивают про тебя, а что я им отвечу? Я и сама ничего толком не знаю…»

Янка сидела, прислонив голову к потемневшему от дождей и времени столбу, который держал крышу крыльца. Их дом стоял на склоне горы, и отсюда виднелись краешек моря и кусочек набережной. Море ходило темными длинными шагами волн, будто дум у него было не меньше, чем у Янки. Носились над водой чайки. Наверное, шторм будет. Похолодало. Янка замерзла, но в дом

идти не хотелось. На крыльцо выскочил Ростик.

– Что тебе бабушка пишет? – и по интонации Янка сразу поняла, что его мама послала.

– В гости зовет.

– Меня тоже! – сказал он хвастливо. – Поедем?

– Поедем.

До этого письма Янка даже не думала о том, что можно поехать в гости. Тот город и всю прошлую жизнь будто вычеркнули. Она, конечно, ходила в интернет-кафе и проверяла ящик, но писала ей только Майка и редко-редко кто еще из девчонок. А ведь можно встретиться опять с одноклассниками! С Майкой! По улицам пройтись, заглянуть в школу! Жить они будут у бабушки Лены, они и раньше у нее часто ночевали, если родители ругались. Янка понимала, пока еще смутно, что мама вряд ли их отпустит. Но она тут же решила: поедет все равно.

Глава 2. Чужой и знакомый

Они переехали сюда в августе, самом страшном месяце. Потому что в августе в Поселке скапливалось столько народу, что казалось, будто он трещит по швам, рвется, и в эти дыры вылезают дикие пляжи, плотно усыпанные нудистами, палаточные лагеря, вдруг появившиеся на ближайшем холме, новые лотки и киоски, которым не хватает набережной, и они заполняют проулки и улицы. «Две Москвы и три Киева» – называл Поселок в августе дед.

А Янке нравилось. Нравилось, что столько народу толпится везде, идешь, толкаясь, будто тут и не захолустье вовсе, не окраина мира, а столица. И вокруг – разговоры, запахи, платья, панамки…

В августе приезжала из Москвы к своей бабушке Светка. Первые три дня она была вся такая из себя, столичная штучка, а потом все чаще забывала дома темные очки и мобильник, не хуже Таля лазила по скалам и ныряла с

волнорезов, подцепляла местные словечки. Весь август Янке казалось, что они с мамой и Ростиком на каникулах. И уедут совсем скоро, за неделю до школы, как всегда уезжали.

А потом пришел сентябрь.

Город пустел постепенно. Будто воздушный шарик с маленькой дырочкой, из которого медленно выходит воздух. Сначала уехали семьи с детьми. Закрылся детский оздоровительный лагерь у подножья Горы. На пляже утих визг и писк. Там остались только модные старушки с маленькими собачками на тонких поводках, брюхастые дядьки да неформалы. Неформалов было много. В конце августа они лавиной сходили с гор, заполняли улицы и пляжи от Коктебеля и до Поселка. По вечерам жгли костры прямо на набережной, стучали в тамтамы, пели песни под гитару. Фаеры устраивали представления, бросив у ног помятую шляпу с грустной горсткой мелких монет.

Янке с Ростиком строго-настрого запрещалось подходить к неформалам и разговаривать с ними. Но Янке нравилось наблюдать за их особенной, непонятной жизнью. В детстве она даже мечтала сбежать из дома и с ними бродить по свету.

Янка всегда приезжала сюда только летом, и ей казалось, что здесь всегда так: жарко, шумно, многолюдно, сплошной праздник, вечный карнавал. Она не могла представить, как живет Поселок осенью и зимой. И вот осень пришла. А жизнь продолжалась. И надо было ходить в школу, а вечерами в клубе показывали кино, иногда устраивали концерты. Работали магазины. Ходили в Феодосию и Симферополь автобусы. Шумело море.

Янке пришлось открывать Поселок заново. Он был похож и не похож на ее летний мир, к которому она привыкла и думала, что знает его, как содержимое своей сумочки. А он вдруг оказался огромным чемоданом с тысячей потайных кармашков и отделений. Надо узнавать, где библиотека, поликлиника, почта. Хочешь отправить Майке письмо по «мылу» – ищи интернет-кафе, потому что у бабушки интернета дома нет, а новый телефон папа хоть и обещал, но так и не купил, и она ходит со старым, кнопочным.

Поселок всегда был бедным и простым, а тут вдруг обнаружился в нем целый квартал богатых вилл с лужайками, фонтанами, заборами. Кто в них жил и жил

ли, Янка не знала. Ей вообще казалось, что она теперь мало что знает, а понимает еще меньше. Мама с Ростиком быстро начали «гхэкать» и «шокать», а Янка усиленно за собой следила, старательно говорила без всех «диалектных особенностей», будто и этим хотела отгородиться от мира, который ей навязали.

Хорошо еще, что у нее были Даша и Таль. Они помогали ей, каждый по-своему, в своем стиле. И если бы не они, в местной школе Янке пришлось бы совсем туго. Учителя-то приняли ее хорошо. Поспрашивали, что и как было в ее школе, что уже прошли. Особенно ей классная понравилась, Диана Васильевна. Она молодая была и красивая. Вела физику, и как-то так вела, что даже Янка все понимала. И разговаривала классная по-человечески, без нотаций, не то что мама. Но ведь школа – это не только учителя.

В конце первой учебной недели устроили дискотеку для восьмых-одиннадцатых классов, и Янка, конечно, пошла. Потому что это маме можно было закатывать истерики, что не собирается она тут ни к чему привыкать, но умом-то она понимала: хочешь не хочешь, а привыкать придется, общаться придется или, как дед говорил, «вливаться в коллектив». Иначе что за жизнь будет?

В столовой убрали столы, поставили аппаратуру. Десятиклассники вели сначала какую-то конкурсную программу, на которую Янка смотрела снисходительно, ну а потом начались танцы. Янка сидела рядом с Дашей и думала, что в своей школе у нее не было ни одного свободного медленного танца. Уж если не Рябинин, то Ивлин, не Ивлин, так Орехов, а на худой конец Иванов или Семин. А тут… да и кто ее может пригласить? Ну не Таль же! Он одного с ней роста, а когда она на каблуках, как сейчас, даже ниже, чего смеяться-то…

– Потанцуем?

В первую секунду она даже не поняла, кто это: высокий, красивый, глаза не смотрят, а гладят.

– Яночка, детка, ты что же, меня не узнала?

И только тогда – узнала. С Яриком Шрамко они на соседних улицах здесь жили. С пятилетнего возраста, наверное, вместе тусили, только она не видела его года два уже. И, надо сказать, многое потеряла. Просто красавчик! Такой весь…

«Обалденно-офигенный», – говорила про таких Майка. Янка легко поднялась со стула и протянула ему руку. Ярослав вытащил ее на середину зала. От него пахло пивом и чем-то еще противным, но Янка старалась об этом не думать. Ярослав прижал ее крепко, так, что даже дышать было трудно. Ей сделалось не то чтобы неприятно или страшно, а просто не по себе. Она еле дождалась последних аккордов и сбежала под Дашину защиту.

– Ты со Шрамко танцевала? – тут же накинулась на нее Даша. – Ты ему понравилась? Он такой бабник, Ян! Ты поосторожнее с ним…

Янка фыркнула. Но Даша чуть наклонилась к ней и прошептала:

– Он с Оксанкой Мельник спит, правда-правда.

– Прямо-таки спит?

Даша закивала. Янка нашла взглядом в толпе школьников высокую Оксану Мельник. Она ее почти не знала – так, слышала от Даши всякие глупости, ну и пересекались раньше пару раз на пляже.

– Она если увидит, что Шрамко к тебе клеится, глаза выцарапает. Она в конце того года девчонку одну избила, не нашу, с ней Шрамко в Коктебеле крутил, а Мельник узнала. У нас весь Поселок говорил…

– Я, что ли, к нему клеюсь? Меня от него тошнит! – вскинулась Янка.

– Ну, ей ты это вряд ли докажешь.

– Дикость какая-то… – пробормотала Янка и подумала: хорошо, что Ярослав Шрамко учится в параллельном классе. А Оксана вообще на год старше.

После дискотеки Шрамко опять подошел к ней.

– Тебя проводить, моя королева?

– Я не нуждаюсь в ваших услугах, паж, – парировала Янка.

Лицо у Шрамко окаменело, будто он пощечину получил. Но Янке и правда не хотелось с ним тащиться через весь Поселок. Она во время танца-то не знала, куда себя деть, о чем поговорить.

– Значит, так, да? Прямо в душу ты мне плюнула, Яночка.

Янка растерялась, не нашлась что ответить и просто обошла Шрамко, как шкаф. Домой пошла с Талем. С ним хотя бы весело.

И с этой дискотеки кончилась Янкина спокойная жизнь. Шрамко оказался та еще заноза в заднице. В понедельник он поймал ее у столовой на большой перемене:

– Куда собралась, лапуля? Что же ты, Яночка, не звонишь, в гости не приходишь?

– А должна?

– Ну как же! Приехала, в школу пришла и даже не навестила старого приятеля… Нехорошо, детка, неправильно. Прямо плевок в душу.

Ладонь упирается в косяк двери. Мускулы играют. Глаза такие ясно-невинные. Самое обидное, что ведь раньше они дружили. Не в том смысле, что «встречались», а просто дружили, как с Талем, носились вместе по бахчам и бухтам. А еще было обидно, что он и правда красивый. Очень. Янка даже чуть-чуть влюбилась в него года три назад…

Она нырнула под его рукой и пошла дальше. Коленки чуть-чуть дрожали.

С этого дня Шрамко с друзьями все время старались оказаться поблизости и, встав за ее спиной, говорили в пространство:

– Значит, в душу наплевала? Значит, сапогами грязными прошлась? Ну-ну!

И вроде бы не Янке говорят, но все вокруг хихикают, всем все понятно. Вот чего они к ней привязались-то? Она делала вид, что их нет. Включала полный игнор, и всё. Иначе сдохнешь от бешенства.

Ростику тоже доставалось. Однажды даже с фингалом пришел из школы. Мама ходила разбираться. Вернулась заплаканная. Долго говорила о чем-то с бабушкой на кухне. Янка подслушала:

– Может, зря я так… сорвала их с места. Надо было там остаться, наплевать на него, – говорила мама.

– Ну, так ты вечно сначала делаешь, потом думаешь!

– Мама, ну зачем ты так?

– А как? Ты еще наплачешься, Татьяна! С работой здесь сама знаешь как, лучше этой ты не найдешь. И как на ноги их будешь ставить?

– Ну ведь он обещал помогать…

Дальше Янка слушать не стала.

Таль позвонил однажды вечером на домашний телефон и сказал:

– Мы в кино в Феодосию собираемся, поедешь?

Таль тоже был и знакомый, и незнакомый. За год он сильно вытянулся и как-то покрепчал. Взгляд стал… другой. Янка не могла подобрать слова – какой? Просто другой. А какой был раньше? Будто Янка замечала! Таль был частью Поселка. Как ее валун у моря, как кафе «Нептун», как Центральная улица и горы в конце бухты. Разве в такие вещи всматриваешься внимательно? Есть и есть. Но вот теперь они шумной гурьбой едут в Феодосию в кино. Здесь и Таль, и Даша, и близняшки Ясько, смешливые, абсолютно одинаковые Мирослава и Васелина, хмурый Захар Ильм со своей подружкой Таней и Ярослав Шрамко с адъютантами. Как ни странно. Тоже в этой компании. Кто бы мог подумать! И всё как раньше, и всё не так.

И вообще сейчас осень, а осенью Янкино место – не здесь, не среди этих ребят.

– Вот так и начинается шизофрения, – пробормотала она.

– Что? – не расслышала Даша. Автобус гудел и лязгал неплотно закрытыми дверями.

Янка не ответила. Выжженные за лето холмы мелькали за окном. Осень. Осень, осень, осень.

Глава 3. Братец Кролик

Зарплата оказалась вдвое больше, чем папа давал раньше Янке. Янка поделила ее на две неравные части. Одну треть убирала в кошелек, это были ежедневные расходы: мобильник, пахлава или тандырные лепешки на вечерних прогулках с новыми одноклассниками, автобусный билет до Феодосии, если в Поселке становилось очень уж скучно. Две трети Янка прятала в деревянную шкатулку, под браслеты, сережки и прочую ерунду. У Янки появилась цель. Во что бы то ни стало она хотела поехать домой. Она скучала по родному городу так, что иногда ей казалось, от этого можно умереть. По улицам его скучала, по домам, деревьям, по особенному синему воздуху в сумерки, по своим любимым местам: парку, уголку во дворе между двумя старыми тополями, мосту над рекой… По людям. По бабушке с дедом, по Майке, по Лерке, с которой дружила теперь Майка, и Янка даже не ревновала, надо же Майке с кем-то дружить, а Лерка – нормальная девчонка. По Сашке.

Сашка стал ее самой большой тайной теперь.

Началось это не сразу. Сначала даже прикольно было среди новых одноклассников. Нравилось верховодить Дашей, которая была преданной, во всем всегда ее слушалась, иногда даже чересчур. И Талем. Он был умным и тактичным, а еще безмолвно в нее влюбленным, что она, слепая, что ли? Янке никто не был нужен, она ни под кого не подделывалась и никого не боялась, за словом в карман не лезла, но первая никого не задирала. Может, ее и не сильно любили, но с ней считались, а это сейчас для нее было важнее. Если бы не Шрамко, который каждый день цеплялся, то вообще хорошо.

– Как в школе? – осторожно спросила ее как-то мама.

– Нормально. Приживусь, – и, увидев мамино лицо, добавила с деланым смехом: – Тут даже лучше. По крайней мере, высокомерных красавчиков вроде Рябинина нет.

– Не скучаешь?

– По Рябинину?! – Янка театрально закатила глаза. – Мам, он идиот, по каким не скучают!

– Яна… так нельзя все-таки. Вы же дружили. И даже если расстались, надо сохранять с человеком добрые отношения и быть благодарной за прошлое чувство и все, что…

– Ты папе благодарна? – зло прервала Янка назидательную речь, но мама не смутилась, и Янка поняла, что она долго об этом думала и ответ готов.

– Да. Благодаря ему у меня есть ты и Ростик.

Она смотрела Янке в глаза открыто, с вызовом.

– Ну, у меня с Рябининым детей, слава Богу, нет и не будет. Так что… расстались и расстались.

Расстались плохо. До сих пор Янке неуютно, как вспомнит она всю их с Сашкой историю. Сначала ей казалось, что она его просто ужасно любит, жить без него не может, и, когда он предложил встречаться, она на седьмом небе от счастья была. Целый год они гуляли по вечерам, ходили в кино, он писал ей эсэмэски стихами. Девчонки им завидовали. Говорили, что они красивая пара, что созданы друг для друга… Только они еще такие маленькие были, даже не целовались. Но все равно Янка до боли в сердце любила его грустные темные глаза, сияющую улыбку, взгляд из-под густых черных ресниц, родинку на щеке, крепкие сильные руки.

А потом все прошло. Может, Янка повзрослела чуть раньше. Все девчонки уже встречались, приходили домой с охапками цветов и опухшими от поцелуев губами, а они с Сашкой до сих пор гуляли на почтительном расстоянии и все чаще молчали, давясь неловкостью. Ну не могла же Янка первой его поцеловать!

Их роман застыл в одной точке, и Янке стало скучно.

А в секции легкой атлетики было столько красивых мальчиков! И Варька то и дело улыбчиво ей объявляла:

– Ой, Никита так на тебя смотрит!

Майка сердилась и на правах лучшей подруги выговаривала Янке:

– Ты дура какая-то, Ярцева! Старомодная дура! Ну сама подумай: что это за любовь? Средневековье какое-то! Он в глаза-то тебе смотрит? Слу-ушай, у моего Костика такой друган есть – закачаешься! Чесслово, сама бы влюбилась, если б не Костик… И он, между прочим, тобой интересуется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/miheeva_tamara/yanka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити